

10 ИЮН 1982

ТЮМЕНСКАЯ ПРАВДА

Вместе с известным поэтом-песенником Ильей Резником, в прошлом артистом нашего театра, писал пародии для, пожалуй, лучшего нашего эстрадного пародиста Виктора Чистякова, ушедшего из жизни совсем молодым.

— Жаль, что театр не привез на гастроли спектакль «Несколько дней без войны», где вы дебю-

дет в ущерб другому, хотя сейчас и в моде стремление актеров к режиссуре. Но мое дело — играть.

— И в кино — тоже?

— Главное, конечно, театр, я в нем уже двадцать лет. Это мой единственный театр — Комиссаржевской. Не люблю, когда актеры меняют театры, так и себя не-

◆ НАШИ ИНТЕРВЬЮ

„СУДЬБА МОЯ — ИГРАТЬ“

БОРИС ГОДУНОВ — СКВОЗНАЯ РОЛЬ В СПЕКТАКЛЯХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ИМ. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ ПО ТРИЛОГИИ А. К. ТОЛСТОГО О «СМУТНОМ ВРЕМЕНИ» — «СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО», «ЦАРЬ ФЕДОР

ИОАННОВИЧ» И «ЦАРЬ БОРИС». ТЫСЯЧИ ТЮМЕНЦЕВ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ИСПОЛНИТЕЛЕМ ЭТОЙ РОЛИ ЗАСЛУЖЕННЫМ АРТИСТОМ РСФСР С. ЛАНДГРАФОМ. НИЖЕ ПУБЛИКУЕТСЯ ЕГО БЕСЕДА С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ.

— Гастроли — это всегда школа для театра, — сказал Станислав Николаевич. — Иная, чем дома, публика, иная критика, непредвзятое восприятие. Значит, театр имеет возможность взглянуть на себя как бы со стороны, свежим взглядом.

— «Царя Бориса» мне пришлось видеть не однажды. Каждый раз в вашем исполнении появлялись новые штрихи. Вы сознательно стремитесь к импровизации или она произвольна?

— Сознательно. Играть два-три спектакля подряд одинаково — невероятно скучно, по-моему. Конечно, надо разделять импровизацию и отсебятину, т. е. желание все поставить с ног на голову. Естественно, многое зависит от партнеров. С Федором — Владимиром Особиком мой Борис напряженнее, жестче, с Федором — Владимиром Летенковым — раскрепощеннее.

— В программе спектакля «Смерть Иоанна Грозного» есть строчка: «Текст «скоморошья» С. Н. Ландграф». Это не единственный ваш литературный опыт?

— Я писал тексты песен к спектаклям нашего театра «Тогда в Севилье», «Золушка», «Обвинительное заключение» и другим.

тировали как постановщик и выступали в главной роли.

— А вы знаете, легче играть царя Бориса, чем Лопатина! Кто его только не играл, даже Никулин в кино. Главным в Лопатине была для меня одержимость делом, делом, которому он служит. Если человек сам через что-то прошел, то не будет об этом кричать. В данном случае — о войне. Таков Лопатин, очень сдержанный человек. Мне хотелось, чтобы «Несколько дней без войны» стал добрым — в полном смысле этого слова — спектаклем.

— Вы собираетесь ставить еще что-то?

— Не знаю. Не «греет» меня режиссура, не мое это дело, видимо. Не могу отстраненно оценивать артистов, с которыми вместе работаю, критически взирать на своих партнеров. И преподавать — тоже не мое. Наш главный режиссер Рубен Сергеевич Агмирзян набирал курс в театральном институте и пригласил меня вести актерское мастерство. Три месяца вел — больше не стал. Делу, которое делаешь, нужно отдавать себя целиком, без остатка, фанатически. Я — из таких, очевидно. Как отдавать себя — целиком — двум делам? Одно бу-

долго потерять. Что касается кино, то я снялся в нескольких фильмах — «Комитет 18», «Убит при исполнении», «Право первой подписи», «Смятение», «Личная жизнь». Но «романа» с кинематографом у меня пока не получилось, были отдельные «новеллы». То, что предлагали сыграть, не хотелось, что хотелось — не предлагали. Актерская профессия субъективна. А в кино ведь чем чаще отказываешься, тем реже предлагают. Но я не очень страдаю от того, что снимаюсь мало. Да и в театре, к счастью, занят много. Не скрою: если бы у меня появилась возможность сняться в «Ричарде III», я бы, наверное, пошел на все — мечта!

— Что вы цените в других актерах? Когда вам радостно глядеть на сцену и когда грустно?

— Помню, как Николай Константинович Черкасов играл Хлудова в театре имени Пушкина в булгаковском «Беге». Он сидел в глубине сцены и читал газету. Яדם шло действие, люди произносили какие-то слова, двигались, а он сидел и молча читал газету, и от него нельзя было оторвать глаз! Он читал ее, казалось, минут сорок, и все зоры загнипотизированно засты-

вали на нем. А потом он ушел, и можно стало замечать других актеров. В актере я ценю это магическое — индивидуальность. Мне грустно, если вижу, что в сцене, где нет слов, артисты отдыхают — не живут жизнью героев. Очень ценю партнерскую верность, умение подхватывать сразу, без подготовки, импровизацию. Очень ценю актеров, творческие, гражданские и нравственные позиции которых совпадают с моими (но это уже дело субъективное). Не могу не сказать о том, что я актер, кому-то крайне необходим режиссер. Но между актером и режиссером тоже необходимо творческое, гражданское и человеческое единение. Смею надеяться, что это единение, без которого невозможен высокий творческий результат, существует в нас с Р. С. Агмирзяном на данном этапе жизни.

Интервью взял В. НОВИКОВ.

НА СНИМКЕ: заслуженный артист РСФСР С. Ландграф в роли Галактиона («гуманоида») в спектакле «Возвращение к жизни».